

1894–1895 гг. как стремление добиться признания Японией независимости Кореи¹⁵. Дело в том, что независимость Кореи составляла цель японской, а не российской политики и рассматривалась в Токио как отрыв Сеула от Пекина и как первый шаг для установления своего господства в королевстве. Неясно также, как сочетать такое стремление и справедливо отмеченное желание российской дипломатии сохранять на Крайнем Востоке status quo. Ведь независимость Кореи объективно означала ослабление Китая, что само по себе было весьма нежелательно для России, не готовой к грядущему, как тогда казалось, разделу Срединной империи. Это также означало неизбежное усиление японского влияния на полуострове, что вынуждало Петербург к ответным действиям (России не хотелось увидеть Японию своей соседкой на континенте). В целом же добротное выполненное исследование Б.Б. Пак, как и монография Б.Д. Пака, оставляет ряд вопросов, связанных как с увязкой линии России относительно Кореи с общим курсом на Дальнем Востоке, так и с многочисленными несостыковками в политике империи.

В англоязычной историографии в изучении российской политики в Корее выделяется книга Дж. Лензена¹⁶. Он рассматривает курс Петербурга как противостоящий Японии и нацеленный на сохранение независимости Кореи. Дж. Лензен – один из немногих историков, кто не преувеличивал агрессивность России на полуострове. Он также подметил разницу между российскими дипломатами в Корее (К.И. Вебер, А.Н. Шпейер) и позицией Министерства иностранных дел. Автор много внимания уделил внутрикорейским событиям и политике короля, полагая, что они серьёзно влияли на действия России в королевстве. Наконец, он связал уход России большей частью с изменением позиции Сеула, чем пересмотром в Петербурге своих целей на Крайнем Востоке.

5.2. Возникновение русско-корейских отношений и позиция России относительно Кореи

Российская политика на Дальнем Востоке конца XIX – начала XX была полна противоречий, но даже на этом фоне действия Петербурга в Корее выглядят особенно неопределёнными и непоследовательными.

С 1870-х гг. Корея оказалась объектом экспансии сначала Японии, а затем и западных держав, стремившихся к открытию корейских портов для иностранцев. С 1876 г. она заключила ряд неравноправных торговых договоров с Германией, Англией, США. Правда, Сеулу они были нужны едва ли не больше, так как формально Корея находилась в вассальной зависимости от Китая, подписание же подобных соглашений делало её правомочным субъектом между-

¹⁵ Там же. С.224.

¹⁶ Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Tallahassee: University Presses of Florida, 1982. Vol.I–II.

народного права. В 1882 г. российский посланник в Пекине Е.К. Бюцов выступил с инициативой заключения такого же договора о торговле между Сеулом и Петербургом¹⁷. Одновременно со схожей идеей к российским представителям в Японии обращался один из корейских реформаторов Ким Оккюн¹⁸. За появление Петербурга на Корейском полуострове выступал Пекин, видя в России противовес японским агрессивным стремлениям¹⁹. Однако Россия не намеревалась отказываться от сдержанного и выжидательного образа действий, опасаясь обострения отношений как с Китаем, так и с Японией²⁰. В итоге 26 июня (7 июля) 1884 г. между двумя странами было заключено соглашение о дружбе и торговле. Александр III, не слишком искушённый в международной политике, решительно поддержал усиление русской активности и влияния в Корее, противореча курсу МИДа²¹. Конкретных соображений, зачем это надо, царь, кажется, не имел. Напротив, внешнеполитическое ведомство сохраняло осторожность: в инструкциях русским дипломатам предписывалось «избегать всякого объяснения по вопросу о вассальных отношениях Кореи с Китаем»²². То есть, активизация российской политики на полуострове проводилась не в ущерб отношениям с Пекином. Тем не менее, у Петербурга имелось немало причин для того, чтобы увеличить своё влияние в королевстве: договор давал России равные права с другими державами, это казалось важным, так как Корея примыкала к российским дальневосточным владениям, уже одно это обстоятельство заставляло интересоваться происходившими там событиями.

В корейские дела Россию стремился втянуть также и сам Сеул. Его позиция была типичной для ряда стран, находившихся на грани колониальной зависимости, под угрозой полной потери государственного суверенитета (например, Абиссиния, Персия, да и сам Китай). Для сохранения своего положения королю²³ не оставалось иного выхода, как играть на противоречиях

---

¹⁷ Пак Б.Д. Указ. соч. С.117.

¹⁸ Там же. С.140–142.

¹⁹ Письма Е.К. Бюцова Р.Р. Розену, 1882 г. // РГИА. Ф.1038. Оп.1. Д.110.

²⁰ Там же. С.125.

²¹ Пометы Александра III на донесении А.Н. Шпейера Н.К. Гирсу 10 (22) января 1885 г. // АВПРИ. Ф.161. V–Az. Оп.181. 1885 г. Д.45. Л.63–68; Пак Б.Д. Указ. соч. С.150. .

²² Инструкция, данная русским посланником в Пекине С.И. Поповым поверенному в делах в Корее К.И. Веберу 24 марта 1884 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.6. Л.1–4; Пак Б.Д. Указ. соч. С.128–129.

²³ Король Ли Хи Сочан Тхе-ханде, или коджон (род. в 1852 г.) вступил на престол в 1864 г. Его супругой в 1866 г. стала представительница одного из влиятельных и знатных кланов Мин (убитая в 1895 г.). Совершеннолетие монарха настало в 1872 г. Настоящим правителем он стал в 1895 г., когда Корея получила независимость от Китая (один из результатов японо-китайской войны 1894–1895 гг.). Пережив несколько попыток свержения с трона, он правил до 1907 г., когда ему всё-таки пришлось передать ко-

потенциальных захватчиков. Корея служила объектом давних вожделений Японии, поэтому она искала себе защиту у западных держав, а особенно – у России, которая никогда не демонстрировала агрессивных намерений в отношении Сеула. Центральная власть в королевстве была слабой. Влиятельная прояпонская оппозиция во главе с Ким Оккюном, нацеленная на проведение реформ, 4 декабря 1884 г. предприняла неудачную попытку государственного переворота. Консерваторы же, ядро которых составлял клан родственников королевы Мин, придерживались прорусской ориентации. Неудивительно, что подавив выступление оппозиции, король с конца 1884 г. неоднократно обращался в Петербург, прося принять Корею под российский протекторат и обещая предоставить за это незамерзающий порт, в котором так нуждалась тихоокеанская эскадра²⁴. Российские дипломаты в Сеуле А.Н. Шпейер²⁵, а с 6 октября 1885 г. – К.И. Вебер, давали уклончивые ответы, на словах не отказывая монарху в поддержке. Несмотря на то, что идея протектората нравилась Александру III²⁶, Петербург не решался на его установление, опасаясь протестов других держав, а особенно – Китая. Да и военной силы на Дальнем Востоке у России имелось слишком мало, чтобы осуществить подобную меру²⁷. Тем не менее, Н.К. Гирс поручил К.И. Веберу заявить в Сеуле, что Россия окажет содействие Корее в противостоянии японскому давлению и хотела бы увеличить своё влияние в королевстве. «На первых порах» Россия была готова стоять «по крайней мере, на равной с другими державами ноге» в королевстве. Но конечная цель, по мнению Петербурга, состояла «в упрочении в стране этой нашего преобладающего влияния». Российское руководство интересовало прежде всего то, что Корея обладала «портами, имеющими преимущество перед Владивостоком», а также то, что королевство являлось важным поставщиком продовольствия в Южно-Уссурийский край²⁸. В Петербурге подумывали о том, что хорошо бы было направить в Корею военных инструкторов для создания армии,

---

рону сыну. Скончался экс-монарх 22 января 1919 г. в своём дворце в Сеуле (Феодосий, архимандрит. Русская духовная миссия в Корее. Харбин, 1926. С.33, прим.).

²⁴ Пак Б.Д. Указ. соч. С.145–147. До середины 1890-х гг. русская тихоокеанская эскадра укрывалась на зиму в японских портах.

²⁵ А.Н. Шпейер служил секретарём российской миссии в Токио, 16 (28) декабря 1884 г. он прибыл с неофициальной миссией в Сеул (Пак Б.Д. Указ. соч. С.147).

²⁶ Там же. С.150.

²⁷ Записка М. Жданова о политике России в Корее в 1884–1895 гг. 20 февраля 1896 г. // АВПРИ. Ф.340. Оп.584. Д.89. Л.117–118; Черевко К.Е. Россия и государства Дальнего Востока в 80–90-х годах XIX в. // История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С.170.

²⁸ Инструкция Н.К. Гирса К.И. Веберу 25 апреля (7 мая) 1885 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.49. Л.5–30.

исполнив просьбы коджона, а также приобрести порт Лазарев. Выражаясь современным языком, тогдашнее петербургское руководство рассматривало королевство как сферу преимущественного влияния России, не имея выраженных захватнических намерений.

Активность России в Корее встревожила Китай, поэтому МИД решил успокоить Пекин и пошёл на компромисс: в 1886 г. в Тяньцзине чилийский вице-король Ли Хунчжан и поверенный в делах в Пекине Н.Ф. Лодыженский устно договорились (письменное соглашение было невозможно для китайца, он объяснял это тем, что в Пекине не одобряют подобного документа) о том, что и Россия, и Китай воздержатся от каких-либо посягательств на Корею и станут охранять её прежний статус²⁹. Петербург также отказался от приобретения порта Лазарева³⁰, поэтому Особое совещание 12 декабря 1886 г. остановилось на Владивостоке как главной гавани России на Тихом океане.

Тяньцзинская договоренность определила на несколько лет политику России в Корее. Добившись усиления своего влияния, Петербург предпочитал далее выступать за сохранение на полуострове *status quo*: в экономическом смысле королевство не представляло интереса, так как не могло являться рынком сбыта российских товаров³¹, а для разработки минеральных богатств требовались значительные вложения. Участники Особого совещания 26 апреля 1888 г. генерал-адъютант барон А.Н. Корф и директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел И.А. Зиновьев ошибочно заключили, что после японо-китайской договорённости в 1885 г. в Тяньцзине японское правительство «не только отказалось от всяких личных замыслов на Корею, но одно время показывало даже полное равно-

---

²⁹ Записка о положении дел в Корее. [Сентябрь 1886 г.] // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Л.115. Л.32–34; Записка М. Жданова о политике России в Корее в 1884–1895 гг. 20 февраля 1896 г. // АВПРИ. Ф.340. Оп.584. Д.89. Л.117–119. Впрочем, Китай не сдержал устное обещание Ли Хунчжана. Позднее российский посланник в Пекине А.П. Кассини жаловался, что Н.Ф. Лодыженского просто провели (А.П. Кассини – Д.А. Капнисту 8 ноября 1891 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.115. Л.69–72). Действительно, Пекин не признал договорённости, заключённой устно, так как хотел бы включить в неё признание вассалитета Кореи, что фактически дезавуировало всё соглашение (мы делаем, пользуясь вассальной зависимостью, что хотим, а Россия обязана не вмешиваться и не вводить войска). Не удивительно, что позднее Ли Хунчжан отказался письменно подтвердить факт устного соглашения (Пак Б.Б. Новые материалы об устном соглашении Лодыженского – Ли Хунчжана 1886 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. №5. С.120–121). Со своей стороны Ли Хунчжан неоднократно жаловался на К.И. Вебера и его деятельность в Корее, подозревая его в нарушении договорённости (А.М. Кумани – С.И. Попову 1888, 1890 гг. // ОР РГБ. Ф.218. К.763. №11. Л.7 и далее).

³⁰ Пак Б.Д. Указ. соч. С.169–170.

³¹ Там же. С.134–135.

душие к будущей судьбе страны этой»³². Поэтому они решили, что России не следует вмешиваться в корейско–китайские отношения, ограничиваясь поддержкой её территориальной целостности. По их мнению, «приобретение Кореи не только не обещало бы нам никаких выгод, но и не преминуло бы повлечь за собой весьма неблагоприятные последствия»³³. Они допускали даже временное появление на корейской земле китайских войск для подавления беспорядков, лишь бы затем они были выведены оттуда³⁴. Однако констатируя отсутствие прямого интереса России к Корее, Особое совещание совершенно проигнорировало мнение Морского министерства (там присматривались к бухтам южного побережья Корейского полуострова и желали выдворить англичан из порта Гамильтон)³⁵. В Сеуле К.И. Вебер, действуя рука об руку с американским советником короля Генни, добивался ослабления китайского влияния, чем заработал большой авторитет и значительное влияние на короля³⁶. Уже тогда коджон подчёркивал свою особую расположенность к России и русским.

Несмотря на оживлённые политические контакты, экономические связи между Россией и Кореей развивались значительно медленнее, подчиняясь своей логике. 8 (20) августа 1888 г. было подписано специальное соглашение о сухопутной торговле между двумя странами. Правда, оно совершенно не заинтересовало русских купцов³⁷. Это не удивительно, так как в России считалось, что Корея минимум на сто лет отставала от Японии, а местное ремесло и торговля находились на средневековом, цеховом уровне развития³⁸. Данные по торговому обороту России с Кореей, несмотря на то,

³² Журнал Особого совещания 26 апреля 1888 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.56.

³³ Там же. С.55. Подробнее об этих решениях см.: Пак Б.Д. Указ. соч. С.192–194; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.11–13. Эта политика продолжалась и в начале 1890-х гг. (С.35).

³⁴ Журнал Особого совещания 26 апреля 1888 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.54–61. Аналогичные соображения высказал в своей записке о Корее пограничный комиссар Н.Г. Матюнин «Несколько слов о корейском вопросе» 16 мая 1891 г. (Архив СПб ИИ РАН. Ф.195. Оп.1. Д.81. Л.81–94). Показательно, что в таком решении сошлись как петербургские, так и местные чиновники, что в начале и середине 1880-х гг. наблюдалось нечасто.

³⁵ И.А. Шестаков – Н.К. Гирсу 9 января 1887 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.115. Л.66. Англия захватила порт Гамильтон в начале 1885 г. под предлогом противодействия «агрессивным» действиям России против Кореи. Не получив подтверждения своим подозрениям, Лондон был вынужден оставить бухту в феврале 1887 г.

³⁶ Выписка из рапорта начальника Тихоокеанской эскадры вице-адмирала Ю.П. Шмидта 16 апреля 1888 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.382. Л.3–8.

³⁷ Пак Б.Д. Указ. соч. С.185–186.

³⁸ Торговое и экономическое положение Кореи // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XVII. СПб., 1888. С.1–35.

что носят в высшей степени противоречивый характер, всё-таки говорят о его крайне незначительном объёме и одновременно констатируют быстрый рост. В 1893 г. оборот составил 46 331 мексиканский доллар³⁹, в 1894 г. – 218 572, в 1897 г. – 247 075 долларов, но это не превышало 1–2,5% всей внешней торговли королевства⁴⁰. Правда, это официальные данные, есть основания полагать, что реальный товарообмен был значительно больше⁴¹. Дело в том, что вся официальная статистика базировалась на данных таможен в открытых портах, между тем значительная часть торговли с Россией шла в приграничной полосе, поэтому, возможно, что её действительный размер превышал таможенную статистику в разы⁴². Тем не менее, Россия сильно уступала некоторым европейским странам, США и Японии, а МИД даже в конце 1897 г. полагал, что интерес к Корее носит исключительно политический характер, констатируя: «торговых интересов у нас в этой стране нет и, вероятно, ещё долго не будет»⁴³.

В Петербурге, придерживаясь политики сохранения на Дальнем Востоке status quo, понимали её двойственность: имея значительное влияние и успеш-

---

³⁹ 1 мексиканский доллар примерно равен 0,65–0,67 руб.

⁴⁰ Другие данные о торговле России с Кореей за 1890–1902 гг. гт. см.: Пак Б.Д. Указ. соч. С.185–189, 323. Причины разнобоя в оценках связаны с общей ненадёжностью корейской статистики. Несмотря на то, что оборот между двумя странами вырос с 1886 по 1897 гг. в 17 раз, доля России в общем товарообороте даже уменьшилась. По сведениям, которые приводит В.И. Шипаев, в 1895–1905 гг. свыше 90% корейского импорта приходилось на Японию (2/3) и Китай (1/3) (Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895–1917). М., 1964. С.13). Согласно таблицы, приведённой Б.Д. Паком о морской торговле Кореи в 1886–1897 гг., доля России в ней лишь во второй половине 1890-х гг. превысила 1%, а резкие колебания объёма торговых операций и неустойчивость соотношения экспорта и импорта говорят о её случайном характере (Пак Б.Д. Указ. соч. С.188–189, 323).

⁴¹ Б.Б. Пак приводит данные одной Кёнхошской таможни, согласно которым оборот сухопутной русско-корейской торговли вырос за 1890–1895 гг. с 127 230 до 244 255 руб. (Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.21).

⁴² Н.Г. Магюнин, человек весьма осведомлённый в этих вопросах, оценил русский ввоз только на побережье провинции Хамчён за год в 1,2 млн. руб. (Пак Б.Д. Указ. соч. С.190).

⁴³ Записка по поводу увольнения г. Броуна от должности начальника корейских таможен 2 ноября 1897 г. (черновик) // АВПРИ. Ф.340. Оп.584. Д.89. Л.81 об. Этому противоречит инструкция, данная А.Н. Шпейеру в сентябре 1895 г., в которой дипломату предписывалось обратить внимание на развитие русско-корейской сухопутной торговли и вообще на экономические вопросы, интересующие Министерство финансов (Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.129–130). Однако реально в этом отношении делалось немного. Возможно, что инструкция давалась, прежде всего, для того, чтобы внимательно наблюдать за успехами других стран на торговом поприще.

но укрепляя его, Россия им не пользовалась⁴⁴. В столице тогда отсутствовало чёткое понимание, к чему следует стремиться на Дальнем Востоке в целом и в Корее, в частности. «Период Витте» ещё не наступил, единства мнений среди министров не было. Конечно, подобное положение не могло продолжаться долго. Многие догадывались, что корейский вопрос – это источник потенциального обострения отношений на Дальнем Востоке. Вскоре это подтвердилось.

5.3. Русская политика в Корее и японо-китайская война 1894–1895 гг.

Вспыхнувшее в Корее в 1893 г. народное восстание тонгхаков, ввод туда китайских и японских войск дестабилизировали обстановку в королевстве⁴⁵. 23 июля 1894 г. японцы захватили Сеул, арестовали короля, посадили на престол его отца тэвонгуна (своего ставленника, отца кодждона), начали проводить реформы и объявили Корею свободной от всякого китайского сюзеренитета⁴⁶. Затем Япония ещё и развязала успешную для себя войну с Китаем. Японо-китайская война 1894–1895 гг. оказала значительное влияние на дальневосточную политику большинства держав.

⁴⁴ Б.Б. Пак полагает, что Россия в 1890-е гг. стремилась содействовать упрочению «независимости» Кореи (Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.36). Это не вполне точно, так как независимость королевства держалась на согласии и балансе интересов трёх-четырёх держав, и целью Петербурга было поддерживать это хрупкое равновесие (не забывая об упрочении собственных позиций), что точнее назвать политикой сохранения status quo. Кстати, в заключении к своей книге Б.Б. Пак также предпочла использовать подобную терминологию (С.222).

⁴⁵ Согласно корейскому поверью, королевскую династию через 500 лет следовало сменить. Якобы этот срок наступал в сентябре 1894 г. К.И. Вебер воспользовался легендой и обвинил Ли Хунчжана в том, что тот необоснованно направил на полуостров китайские войска (Вогак К.И. Извлечения из донесений // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LX. СПб., 1895. С.35–36).

⁴⁶ Тэвонгун (отец кодждона) никогда не был монархом: прямая линия династии прервалась в 1864 г., после чего трон наследовался по завещанию. Королева Чо, вдова короля Чуль-Чонга, избрала наследником не тэвонгуна, а его сына. После того, как в 1864 г. коджон женился, его супруга королева Мин окончательно отстранила тэвонгуна от государственных дел, за что он ненавидел её (Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–96 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXV. СПб., 1901. С.49–51). В российской историографии к тэвонгуну доминирует, мягко говоря, прохладное отношение за его тесный контакт с японцами. Между тем, у такого известного специалиста по корейским вопросам как Дж. Лензен, тэвонгун вызывал симпатию: он всеми силами защищал Корею от иностранного завоевания и не был чужд реформам (Lensen G.A. Op. cit. Vol.I. P.18).